

¹⁴ Милль Д. С. Система логики сил логической и индуктивной. С. 601.

¹⁵ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы : в 2 ч. М., 1994. Ч. I. С. 24.

¹⁶ Там же. С. 19.

¹⁷ Там же. С. 24.

¹⁸ Козлова М. С. Идея языковых игр // Философские идеи Людвига Витгенштейна. М., 1996. С. 5.

¹⁹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. С. 6.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 15.

²³ Мартынович С. Ф. Факт науки и его детерминация. С. 73.

²⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. С. 11.

²⁵ Там же.

²⁶ Рассел Б. Философия логического атомизма. С. 9.

²⁷ Там же. С. 10.

УДК 174:602.6

БИОЭТИЧЕСКИЕ СУЖДЕНИЯ О ГЕННОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Д. К. Казённов

Саратовский государственный университет
E-mail: heaven0@yandex.ru

В статье рассматриваются этические суждения относительно генной инженерии человека: они подразделяются на суждения о последствиях и категорические суждения и анализируются в рамках традиции эмотивизма. Делается вывод о том, что опытных данных для окончательного суждения о перспективах генной инженерии человека недостаточно, а существующие суждения связаны с преувеличенными допущениями, граничащими с художественным вымыслом, и метафизическими понятиями.

Ключевые слова: биоэтика, генная инженерия, трансгуманизм, анализ суждений.

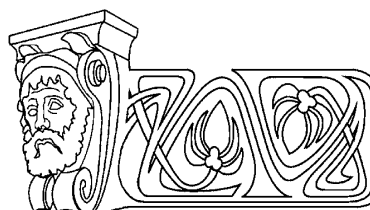
Bioethical Judgments about Genetic Engineering.

D. K. Kazennov

This article discusses the ethical judgments about human genetic engineering. Considered opinions include consequentialist judgments and categorical judgments. Judgments are being analyzed in the emotivist approach. The article concludes that there is no enough empirical knowledge for an adequate judgment on the prospects of human genetic engineering, while the existing judgments are being associated with exaggerated assumptions, bordering on dystopian fiction, and metaphysical concepts.

Key words: bioethics, genetic engineering, transhumanism, analysis of judgments.

Ценностные суждения из области биоэтики можно подразделить на два типа, как это делает М. Хяюрю в своей работе «Категорические возражения генной инженерии – критика». Суждения первого типа касаются вероятных последствий тех или иных биотехнологических процедур, их можно назвать прагматическими, или консеквенциалистскими (consequentialist)¹. Суждения второго типа высказываются вне зависимости от возможных последствий предмета суждений, их называют деонтологическими, или категорическими.

Примером этических суждений о конкретных последствиях может служить статья «Генная инженерия и разделение Север–Юг» С. Хольма². Автор пишет, что граница между лечением и улучшением в области медицинской генетики не является очевидной, и улучшающая генная инженерия сама по себе может быть благом, но угрозу представляет социальное неравенство относительно распределения выгод генной инженерии («не потому, что это опасно, умаляет достоинство человеческой расы или другим образом откровенно неэтично, а потому что это приведёт к созданию серьёзной и необратимой несправедливости»³).

Процедуры генной инженерии бывают трёх типов: внесение генного материала в оплодотворённую яйцеклетку или эмбрион на ранних этапах развития; изменение временно извлечённых клеток (ткани костного мозга или живых клеток кожи); внесение генного материала при помощи вирусного вектора (вируса-носителя)⁴. Последний способ, как пишет автор, в практическом отношении не сложнее вакцинации и требует сравнительно простой логистики, но именно страдающие от эпидемий страны третьего мира и сегодня больше всего нуждаются в вакцинах. Таким образом, даже простые, отработанные клинически и эффективные процедуры генной инженерии, если таковые будут возможны, окажутся в первую очередь доступны жителям развитых стран. Модифи-

кации гонциотов (germ lines, зародошевых линий) передаются потомству, но они технологически сложнее, чем модификации соматических клеток, и поэтому едва ли будут применимы в условиях стран третьего мира. Кроме того, отдельные генетические последовательности, пригодные для улучшающей генной инженерии людей, могут быть в будущем запатентованы. Рынок улучшающей генной инженерии представляется перспективным: любые люди были бы заинтересованы в улучшении параметров своего потомства, но, как показывает опыт, иметь доступ к таким процедурам будут в первую очередь жители развитых стран, в то время как жители стран третьего мира испытывают острую нужду в улучшении иммунитета.

Ещё более усложняет ситуацию то, что хотя современным обществам свойственна социальная дифференциация, генная инженерия сможет закрепить неравенство не в стартовых условиях, образовании и условиях среды, а в самой природе людей. «Если мы подорвём основание для этого убеждения [что судьба обитателей стран третьего мира не predetermined генетически], мы также можем подорвать любое публичное желание поддержать помощь в развитии <...> Какого рода решения последуют из (гарантированного, объективного) убеждения в биологическом/генетическом превосходстве?»⁵. Примером последствий таких убеждений автор называет южноафриканский апартеид.

Первый же вопрос относительно аргументации Хольма может звучать так: может ли быть достигнуто соглашение относительно того, какой оценки заслуживают те или иные последствия? В самом деле, автор не поясняет, что следует считать справедливым и почему, когда пишет: «Конечное состояние, достигнутое после внедрения улучшающей инженерии, было бы таким образом не лучше, чем оригинальная ситуация до внедрения, и, учитывая обозначенные выше возможные побочные эффекты, оно могло бы оказаться хуже», он лишь занимается калькуляцией абстрактной справедливости на международном уровне⁶. Это статистический подсчёт настроений; в конце концов, было бы странно отказывать в наличии собственных интересов и настроений у меньшинств или элит. Как считал представитель мэтраэти-

ческого анализа Ч. Стивенсон, статистические данные не влекут за собой этические высказывания сами по себе⁷. Этическое направление в аналитической философии – эмотивизм, восходящий к юмовскому разделению высказываний на описательные и императивные, отказывает ценностным высказываниям в дескриптивном значении, оставляя за ними функции выражения эмоциональных реакций и суггестию; статистическое описание эмоциональных реакций какой-либо группы не влечёт за собой выражение подобной реакции или акт убеждения, но для нас представляет интерес другое.

Запрещающие аргументы консеквенционального подхода теряют значение, если есть возможность исключить вероятные негативные последствия внедрения человеческой генной инженерии. Связанная с такими аргументами этическая дискуссия сводится, таким образом, к прагматическим соображениям, например, о правилах техники безопасности. Категорические же этические высказывания не допускают исключений.

Показательным примером категорических суждений о биотехнологиях является работа Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее»: «это страх перед тем, что в конечном счёте биотехнология принесёт нам утрату нашей человеческой сущности...»⁸. Далее Фукуяма вынужден дать ответ на вопрос о том, что он называет человеческой сущностью: это «специфичные для вида свойства, общие для всех людей, как таковых»⁹. Когда Фукуяма стремится определить природу человека более конкретно, он делает это статистически, при помощи термина «видоспецифические качества»¹⁰: «утверждение о природе человека является либо вероятностным, либо условным»¹¹. Касательно убеждения в отсутствии биологических универсалий, Фукуяма пишет, что «существуют мутантные самки кенгуру, родившиеся без сумок <...> Такие факты не лишают смысла заявления, что сумки есть составная часть “кенгуровости”...», что является бессмысленным для эволюционной биологии по причинам относительности видовых границ: биологическая таксономия есть лишь набор теоретических обобщений, а не аристотелевских форм¹². Утверждения о «кенгуровости» не являются предметом биологии, а границы вида как

таксономической единицы являются лишь способом различать особи на основании некоторых признаков, например скрещиваемости, как это и делают современные биологи вслед за Э. Майером. В попытке определить «человечность», Фукуяма говорит о совершенно разных вещах: то о статистике, «видоспецифических признаках» и их распределении в популяции, то о *человечности* в аристотелевском смысле, т.е. Фукуяма говорит о метафизических универсалиях, опираясь на естественно-научную статистику, что методологически непоследовательно.

Как варианты категорических оценочных высказываний Хяюрю подвергает анализу утверждения о том, что генная инженерия есть «игра в Бога», или *хюбрис*, на примере статьи Р. Чэдвик (R. Chadwick) «Игра в Бога», и о том, что улучшающая генная инженерия «противоестественна», на примере постановления Этической комиссии немецкого Бундестага¹³. Ответ на вопрос, опасна ли генная инженерия, данный из прагматических соображений, зависит от условий. Категорический ответ является абсолютным.

Хяюрю анализирует утверждения о том, что генная инженерия «противоречит воле Бога» и «нарушает естественный природный порядок». Разумеется, такие утверждения являются метафизическими и не подлежат эмпирической проверке, но при этом они играют риторическую роль, почему и представляют интерес. Исследователь указывает, что каждое (из шести) названных Чэдвик категорических утверждений содержит аналитические неясности и потому допускает произвольные толкования. Когда речь идёт об эвтаназии, принятие одним человеком решения о судьбе другого человека на основании представлений о качестве жизни можно охарактеризовать как «исполнение роли Бога». Но в таком случае даже усилия, направленные на продление жизни или облегчение страданий, и всю медицинскую деятельность в целом можно назвать «игрой в Бога», поскольку это тоже принятие медиками решений о судьбе пациентов. Утверждения религиозных консерваторов о границах божественной воли сами по себе могут представлять собой *хюбрис*, речь от лица «божественного провидения». А утверждение о том, что «любое вмешательство в зародышевые линии

индивидов умаляет <...> их независимость, уникальность и ценность как человеческих существ» влечёт за собой отказ в человеческом достоинстве тем, кто будет получен путём клонирования или изменён средствами генной инженерии, что является обыкновенной дискриминацией, которой так опасаются консеквенциалисты¹⁴. В конце концов, Хяюрю заключает, что никакие решающие аргументы относительно генной инженерии не могут быть выведены из категорических рассуждений, а «окончательное оправдание или отвержение биотехнологии должно быть основано на практических соображениях», что опять же влечёт за собой *этический номинализм* и потребность в решениях относительно каждого конкретного медицинского прецедента¹⁵.

Здесь под этическим номинализмом понимается логика принятия решений относительно единичных случаев, которая не опирается на категорические суждения и отличается от консеквенциональных суждений общего характера. В методологическом отношении этический номинализм основывается на метаэтическом анализе А. Айера, писавшего о том, что ценностные высказывания не содержат подлинного утверждения¹⁶, и на положениях Ч. Стивенсона, который писал, что этические утверждения и не могут раскрыть некий особый тип априорной истины, который бы руководил *самими интересами* людей, потому что «...спросить, что есть благо, означает просить оказать влияние»¹⁷. Суждение высказывается и решение принимается вследствие эмоциональных реакций на конкретные чувственные данные. Нет смысла формулировать нормативы в отношении только предполагаемых и не подвергавшихся испытанию возможностей.

Примечательно, что ряд авторов, пишущих о биоэтике, начинают с перечисления очевидных угроз (экологический ущерб, сокращение генетического разнообразия; появление патентованных, являющихся объектами авторского права генотипов), но признают, что могут быть избирательны относительно конкретных мер. Так, И. Барбур в конце концов заключает: «...я бы разрешил терапию половых клеток при определённых условиях»¹⁸.

Ценностные высказывания являются выражением эмоциональных реакций на предметы таких высказываний. Человеческая способность вырабатывать новые реакции является средством адаптации к изменчивости среды. Реакции, жизненно необходимые в любых ситуациях, такие как дыхательный рефлекс, закреплены на безусловном уровне. Если бы человеческая популяция была строго единообразна в своих поведенческих реакциях (что полностью лишило бы человеческий вид эволюционного преимущества – способности к приобретению навыков), этические утверждения не существовали бы в языке, поскольку не имели бы смысла как средство влияния. Люди принимают решения в силу своих конкретных интересов и опыта. Опыт, в частности, показывает, что возможно безопасное обращение с весьма эффективными, мощными и потенциально опасными орудиями и технологиями, позволяющими удовлетворять важные интересы. Генная инженерия, безусловно, может быть отнесена к таким технологиям, как и ядерная энергетика.

Негативные суждения категорического характера представляются суевериями особого рода. Рассуждения о божественной воле, естественном природном порядке вещей или человечности не только относятся к области метафизики, но и содержат внутренние противоречия. Подобные суждения скрывают эмоциональные реакции, такие как страх, причём страх в данном случае не имеет конкретного предмета. Дискуссия о генной инженерии в настоящее время касается не реальных прецедентов, поскольку таковые отсутствуют, а предположений, граничащих с художественными произведениями жанра антиутопии, например, классического романа О. Хаксли «О дивный новый мир» или скульптурной композиции П. Пиццинини «Молодая семья» (P. Piccinini «The Young Family»). Причём существуют и прямо противоположные представления о возможной роли генной инженерии, о которых пишет Ю. Хабермас в работе «Будущее человеческой природы: на пути к либеральной евгенике?»¹⁹.

Автор считает, что судьбу генной инженерии предстоит определить сообразно реальным прецедентам. Долгосрочные предположения о последствиях граничат с утопическим и антиутопическим художественным вымыслом. На их основании не следует выносить окончательные суждения. Категорические суждения подобны суеверию, противоречивы. Что ещё более важно, возможны ситуации, в которых применение средств генной инженерии к людям окажется необходимым, например в случае пандемии. Более пессимистичным является вывод о том, что в долгосрочной перспективе фундаментальные изменения человеческой природы представляются неизбежными, и современные настроения относительно таких изменений, вероятно, не являются чем-то большим, чем благие международные интенции по результатам Первой мировой войны, воплощенные в создании Лиги Наций.

Примечания

¹ См.: Häyry M. Categorical objections to genetic engineering – a critique // Ethics and Biotechnology / eds. A. Dyson, J. Harris. L.; N.Y., 1994. P. 202–215.

² См.: Holm S. Genetic engineering and the north-south divide // Ibid. P. 47–63.

³ Ibid. P. 49 (перевод здесь и далее мой. – Д.К.).

⁴ Ibid. P. 50.

⁵ Ibid. P. 56.

⁶ Ibid. P. 61.

⁷ Stevenson C. The Emotive Meaning of Ethical Terms // Mind. New Series. 1937. Jan. Vol. 46, № 181. P. 14–31.

⁸ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М., 2004. С. 146–147.

⁹ Там же. С. 147.

¹⁰ Там же. С. 186–190.

¹¹ Там же. С. 191.

¹² Там же. С. 193.

¹³ Häyry M. Op. cit. P. 210.

¹⁴ Ibid. P. 211.

¹⁵ Ibid. P. 213.

¹⁶ См.: Ayer A. Language, Truth and Logic. L., 2001.

¹⁷ Stevenson C. Op. cit. P. 30.

¹⁸ Барбур И. Этика в век технологии. М., 2001. С. 270.

¹⁹ См.: Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: на пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 36–37.